

SPERO.

**Социальная политика:
экспертиза, рекомендации, обзоры**

№ 4

Весна — Лето 2006

Редакционная коллегия

Главный редактор	Малева Татьяна Михайловна, к.э.н., Д.В.А. директор НИСП
Зам. главного редактора	Синявская Оксана Вячеславовна, к.э.н., зам. директора НИСП, директор программы международного сотрудничества НИСП
Ответственный редактор	Добрякова Мария Сергеевна, к.соц.н., директор публикационной программы НИСП

ISSN 1818-6963

Издание осуществляется при финансовой поддержке
Фонда Дж. и К. Макартуров

Координаты редакции

Москва, Глинищевский переулок, д. 3

Тел.: (495) 786 6718

Факс: (495) 692 9651

E-mail: spero@socpol.ru

Электронная версия: <http://spero.socpol.ru>

Редакционный совет журнала

Сильванская-Павлова Марина Павловна (председатель)	к.и.н., Московский центр Карнеги, консультант журнала <i>Pro et Contra</i> Московского центра Карнеги
Аузан Александр Александрович	д.э.н., профессор, зав. кафедрой прикладной институциональной экономики экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, президент Института национального проекта «Общественный договор»
Васильев Сергей Александрович	д.э.н., представитель в Совете Федерации Федерального Собрания Российской Федерации от правительства Ленинградской области, Председатель Комитета Совета Федерации по финансовым рынкам и денежному обращению, научный руководитель Международного центра социально-экономических исследований «Леонтьевский центр»
Вишневский Анатолий Григорьевич	д.э.н., действительный член РАЕН, руководитель Центра демографии и экологии человека ИНП РАН, главный редактор информационного бюллетеня «Население и общество», главный редактор электронного еженедельника «Демоскоп Weekly»
Малева Татьяна Михайловна	к.э.н., D.B.A., директор НИСП, главный редактор журнала
Плискевич Наталия Михайловна	к.э.н., редактор отдела редакции журналов «Общественные науки и современность» и «Social Sciences», Президиум РАН
Полетаев Андрей Владимирович	д.э.н., профессор, заместитель директора Института гуманитарных историко-теоретических исследований ГУ–ВШЭ, заведующий сектором Института мировой экономики и международных отношений РАН
Ясина Ирина Евгеньевна	к.э.н., директор проекта РОО «Открытая Россия»

Содержание

Экспертное мнение: современные проблемы пенсионной сферы	
<i>Колобаев О.М., Кокорев Р.А.</i> Накопительные принципы пенсионной реформы: попытка переосмысления.....	5
<i>Соловьев А.К. и др.</i> Актуарное обоснование совершенствования пенсионной системы	24
<i>Гора М.</i> Возвращаясь к межпоколенному равновесию: ключевые понятия и пример новой польской пенсионной системы.....	44
<i>Синявская О.В.</i> Российские пенсионеры: в чем их бедность и уязвимость?	66
В фокусе внимания	
<i>Чирикова А.Е., Шишкин С.В.</i> Участие бизнеса в социальной политике: формы, интересы, институты	91
Новое в аналитике	
<i>Серова Е.В.</i> Влияние политики сельского развития на уровень жизни населения: результаты одного обследования.....	119
Книжное обозрение	
<i>Клупт М.А.</i> Рецензия на книгу: Демографическая модернизация России, 1900—2000 / Под ред. А.Г. Вишневого. М.: Новое издательство, 2006.....	137
Обзоры	
<i>Левина М.И.</i> Социальное законодательство.....	142
Общественное мнение: Индекс потребительских настроений	
<i>Ибрагимов Д.Х.</i> О проекте «Индекс потребительских настроений»	155
Копейка рубль бережет? Сбережения и сберегательное поведение россиян (февраль 2006 г.)	164
У кого оптимизма больше, и почему? Потребительские настроения по социально-демографическим группам (март 2006 г.)	183
Потребительские предпочтения населения (май 2006 г.).....	192
Сведения об авторах	203
Аннотации к статьям	204
Summaries	206

**Рецензия на книгу: Демографическая модернизация
России, 1900—2000 / Под ред. А.Г. Вишневого.
М.: Новое издательство, 2006. — 608 с.
(Новая история)**

М.А. Клупт

Рецензируемая монография представляет собой масштабную панораму, охватывающую демографическое развитие России на протяжении XX века. Содержание книги даже шире ее названия — большое внимание в ней уделено демографическим перспективам России в нынешнем столетии. Авторы не только собрали и систематизировали обширный эмпирический материал, но и продемонстрировали отточное мастерство его статистического анализа. Отдавая должное их научному труду, хотелось бы, тем не менее, высказать ряд критических замечаний в его адрес.

В качестве концептуальной основы исследования использованы теории модернизации и демографического перехода. Российскую историю можно, разумеется, интерпретировать по-разному, в том числе и используя названные теории. Однако в любом случае крайне желательны однозначные определения базовых понятий — без этого научный диспут легко может превратиться в диалог глухих. К сожалению, в определении таких понятий авторы не вполне безупречны.

Во введении к работе сообщается, что «содержание демографической модернизации» составляет «совокупность перемен», которые «в корне меняли поведение людей в самых интимных областях их су-

ществования, их отношение к вопросам жизни, продолжения рода, любви, смерти, требовали пересмотра ценностей, моральных норм, всего мировосприятия» (с. 9). Нетрудно видеть, что под данное определение попадают и революционное (как, впрочем, и контрреволюционное) насилие, и доносы на собственных родителей, и людоедство, достаточно красноречиво описанные в книге. Такой взгляд на модернизацию, однако, заметно отличается от принятого в теории демографического перехода, на верность которой авторы сразу же присягают. В результате с самого начала непонятно, что понимается под термином, вынесенным в заголовок работы.

Постоянные утверждения о том, что модернизация в СССР является незавершенной, консервативной, догоняющей и т. д., соседствуют в книге с оптимистическим заявлением о том, что «российское общество находится в ряду постиндустриальных, городских обществ» (с. 247). На с. 138 авторы приводят «каноническое» определение понятия второго демографического перехода, в соответствии с которым этот процесс происходит в «демократических государствах всеобщего благосостояния», где «все помыслы человека сосредоточены на самореализации, свободе выбора, личном развитии и индивидуаль-

ном стиле жизни» и наблюдается «сдвиг в направлении постматериализма по Маслоу». В главе же 14, не выразив согласия или несогласия с этим определением, обсуждают перспективы второго демографического перехода в России. В результате остается неясным, является ли обязательным условием второго демографического перехода в России означенный сдвиг и сосредоточение всех помыслов россиян «на самореализации, свободе выбора, личном развитии и индивидуальном стиле жизни» или такой переход может произойти и без выполнения этого условия.

Как представляется, отмеченные логические противоречия книги — следствие внутренней противоречивости самой теории демографического перехода. В ней изначально соседствуют, переплетаясь друг с другом, два сказания — узкое и широкое. «Узкое сказание» романтично, в нем движущей силой демографического перехода предстает освобождение индивида от пут институционального контроля. Основной дефект «узкого» сказания — попытка распространить объяснения, «работающие» лишь в западном мире, на все человечество.

«Широкое сказание» появилось как реакция на незападные модернизации. Оно прагматично и признает, что Запад уникален, но не универсален. «Широкое сказание» утверждает лишь, что переход от высоких уровней рождаемости и смертности к низким исторически неизбежен. Оно, в принципе, не отрицает того, что подобный переход может произойти не только благодаря расширению «автономии

индивида», но и за счет ее резкого ограничения.

Основной дефект «широкого сказания» — неспособность объяснить многие кризисные явления в демографическом развитии крупных регионов Земли, наблюдаемые в последние десятилетия. Процитируем в этой связи речь президента Международного союза по изучению народонаселения Жака Валлена при открытии прошлогоднего международного конгресса по народонаселению в г. Туре (Франция). «Если теория демографического перехода, — заявил он, — позволила нам понять, если не принять, фазу чрезвычайного роста мирового населения, то дестабилизация фундаментальных параметров не оставляет камня на камне от радужного будущего, которое она нам обещала: очень похоже, что сегодня мы наблюдаем скорее не завершение демографического перехода, а смерть теории, которая его объясняла»¹.

Добавим к этому, что оба сказания — узкое и широкое — постоянно балансируют на грани между теорией и тавтологией. Снижение рождаемости рассматривается в них как необходимый атрибут модернизации и в то же время как ее следствие. В результате объяснение в действительности часто представляет собой замаскированное повторение исходного постулата.

Следование теории демографического перехода приводит к тому, что в рецензируемой работе соседствуют взаимоисключающие тезисы. С одной стороны, говорится, что в процессе демографического перехода происходит «небывалое ослабление бремени демографической необходимости» (с. 533),

¹ Речь Жака Валлена, президента Международного союза по изучению населения, на открытии XXV Международного конгресса по народонаселению. (Опубликовано в журнале: Этнопанорама. 2005. № 3-4. С. 96—100. Пер. с франц. Е. Филипповой. Печатается с незначительными сокращениями.) <http://demoscope.ru/weekly/2006/0237/analit01.php>

с другой — подчеркивается всемирно-исторический характер демографического перехода, включающего, следовательно, и «политику одного ребенка» в КНР и другие практики, основанные на примате коллективного над индивидуальным и оправдываемые именно жесткой необходимостью. В книге утверждается, что сегодняшнее поведение человека в репродуктивной сфере жестко предопределено действием гомеостатических механизмов, спасающих планету от перенаселения (с. 487). Чуть ниже, напротив, говорится о возникновении «предпосылок невиданного расширения индивидуального демографического выбора» (с. 533). Заметим в этой связи, что современный человек, даже в развитых странах, вовсе не ощущает себя свободным в своем демографическом поведении — об этом свидетельствуют социологические опросы, показывающие, что люди имеют меньше детей, чем хотели бы. Социальный контроль над демографическим поведением индивида отнюдь не ушел в прошлое — он просто принял иные, более изощренные формы.

В книге приводится горький, но правдивый вывод: на протяжении всего XX столетия смертность взрослых мужчин России почти не снижалась. Крестьянская когда-то страна становилась индустриальной, осваивала космос, постигала возможности информационных технологий, однако при этом «все достижения в снижении смертности и увеличении продолжительности жизни мужчин в России свелись к успехам в борьбе с младенческой и детской смертностью, смертность взрослых оставалась почти такой же, какой была сто лет назад» (с. 273). Авторы видят причины этого в особенностях советского общества, которое «постоянно находилось в напряжении, в со-

стоянии мобилизационной готовности, и ничто не ценилось так мало, как “воля к здоровью”, да и вообще всякая “индивидуальная воля”» (с. 391). Данное объяснение представляется по меньшей мере неполным.

Во-первых, даже на официальном уровне «индивидуальная воля» в СССР ценилась достаточно высоко — правда лишь в тех случаях, когда была направлена на достижение верных с точки зрения господствующей идеологии целей. Во вторых, при переходе России к рыночной экономике «индивидуальная воля» вроде бы резко повысилась в цене, но это не привело к положительным сдвигам в продолжительности жизни. В-третьих, остается неясным, почему по показателю продолжительности жизни мужчин Россию обогнали и страны, весьма далекие от западных ценностей и принципов «протестантской этики» — Вьетнам, Китай, Куба, где уровень «мобилизационной готовности» традиционно высок, ряд арабских стран и т. д.

В книге (с. 293—297) изложена известная позиция авторов, согласно которой экономические реформы начала 1990-х годов не имеют отношения к скачкообразному росту числа умерших в этот период российской истории (в 1991 г. — 827,9 тыс. человек, в 1994 — 1226,5 тыс. человек). Ранее авторы объясняли этот скачок тем, что люди, склонные к алкоголизму и временно спасенные антиалкогольной кампанией в годы перестройки, умерли от прямых и косвенных последствий пьянства после начала реформ. Отсюда делался вывод, что связь реформ и указанного скачка смертности — артефакт. В данном издании упоминание об антиалкогольной кампании в указанном контексте снято без объяснения

причин, однако суть авторской позиции осталась прежней.

На мой взгляд, резкие колебания смертности в указанные годы причинно связаны с реформами. В одних случаях связь была непосредственной (ослабление контроля за качеством спиртных напитков → рост числа отравлений суррогатами алкоголя; рост безработицы и бездомности → рост числа убийств и самоубийств и т. д.), в других случаях реформы стали катализатором обнаружившихся задолго до них неблагоприятных тенденций.

В современной российской и зарубежной научной литературе приводится ряд объяснений динамики смертности в России 1990-х годов². Все они, включая известный доклад ООН³, в большей или меньшей степени не совпадают с концепцией авторов. Казалось бы, в столь солидной монографии было бы естественным рассказать читателю об этих позициях, а затем привести возражения на доводы оппонентов. Однако авторы избирают иной путь: в очередной раз повторяют собственные доводы и жалуются на то, что «не были услышаны» (с. 293).

В книге излагается и еще одна широко известная концепция авторов. В соответствии с ней: 1) снижение рождаемости в России есть следствие саморегулирования системы «планета Земля», направленного на спасение мира от перенаселения, вследствие чего противостоять такому снижению не только бесполезно, но и вредно; 2) различия в уровнях рождаемости в развитых странах не являются сколько-нибудь существенными; 3) по-

скольку динамика рождаемости в России в целом совпадает с ее динамикой в развитых странах, предпринимать что-либо для повышения рождаемости в нашей стране не следует.

На мой взгляд, все три тезиса являются весьма сомнительными. Во-первых, утверждение о действующем в масштабах планеты «демографическом гомеостазе» — не более чем философская гипотеза, которую вряд ли разумно воспринимать как непосредственное руководство к действию или бездействию. Кроме того, «гомеостатическим регулированием» можно при желании объяснить все что угодно — от повышения темпов роста населения (гомеостаз включился, чтобы спасти нацию от вымирания) до его снижения (в этом случае речь, разумеется, пойдет о спасении Земли от перенаселения). Во-вторых, показатели воспроизводства населения в развитом мире колеблются в очень широких пределах. В США, например, они соответствуют уровню простого воспроизводства, а в Италии и Испании — сокращению населения с каждым поколением на одну треть. Отсюда, в-третьих, вытекает, что России следует проводить политику, направленную на приближение к верхней границе этого коридора.

Отличительной особенностью монографии является широкое использование когортного анализа, часто называемого также методом реальных поколений. Применение данного подхода, безусловно, способствует объемному видению столь сложного объекта изучения,

² См., например: *Иванова А., Семенова В.* Новые явления российской смертности // *Народонаселение*. 2004. № 3. С. 85—92; *Школьников В.* К пониманию разнонаправленных причин смертности // *Демоскоп Weekly*. 2005. № 211—212. 29 августа — 11 сентября. <http://demoscope.ru/weekly/2005/0211/nauka01.php>

³ Human Development Report for Central and Eastern Europe and the CIS 1999. UNDP. N.Y., 1999. P. 5.

как демографическая история России. Нельзя не отметить и значительный объем работы, проделанный авторами для того, чтобы представить «поколенческий» срез демографической истории страны. В то же время авторы, как представляется, несколько переоценивают возможности когортного метода в изучении демографического развития России.

Трудно, например, согласиться с их утверждением о том, что «в отличие от условных, реальные поколения, или когорты женщин, родившихся в один и тот же период, существуют объективно» (с. 154). Философская категория «объективности», на мой взгляд, вообще не имеет отношения к сути вопроса — ведь условные поколения также составлены не из привидений, а из вполне «объективных» женщин, «объективно» рожающих детей.

В определенных ситуациях (например, при проверке известной гипотезы Р. Истерлина о зависимости биографий членов когорты от ее исходной численности) когортный метод действительно незаменим. В других случаях этот метод, напротив, оказывается неоправданно трудоемким способом статистического выравнивания. Например, чтобы зафиксировать тенденцию к снижению рождаемости, господствовавшую в России на протяжении большей части XX столетия, необязательно реконструировать рождаемость когорт, достаточно построить тренд по показателям условных поколений — операция, выполняемая типовыми программными средствами за доли секунд. Вдобавок, в условиях неравномерности демографического развития России, в котором относительно благополучные времена перемежались с катастрофами, использование когортного метода часто при-

водит к получению пресловутой «средней температуры по больнице» и мешает видеть, каким образом те или иные события социально-экономической истории сказывались на рождаемости.

Несколько разочаровывают страницы, посвященные проблеме иммиграции в Россию. Здесь, как и при анализе проблем смертности в 1990-е годы, не анализируется вся палитра мнений по данному вопросу, излагаемых в российской научной литературе. Остается не вполне ясной и позиция самих авторов. В вопросах иммиграционной политики (в отличие от политики в области рождаемости) они вроде бы не являются приверженцами принципа *laissez-faire*, но, тем не менее, не дают однозначных ответов на вопрос о том, что же все-таки следует предпринять. Нельзя, конечно, не согласиться с рассуждениями авторов о «вызове иммиграции». Но ведь его остроту, как показывают социологические опросы, сегодня ощущает едва ли не любой «человек с улицы». Публицистическая риторика или философские раздумья на тему разумности всего действительного вряд ли могут заменить собой практические рекомендации в области социальной и иммиграционной политики.

Рецензируемая книга, конечно же, стала заметным событием в российской демографической литературе. Будучи не только научным, но и политико-публицистическим произведением, она, вероятно, вызовет острые споры. Однако может ли быть иначе, когда речь идет о прошлом и будущем России, да, наверное, и любой другой страны? Советую читателю, нечуждому гуманитарных интересов, ознакомиться с монографией и вынести собственные суждения по рассматриваемым в ней вопросам.